

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Александра ЛИСИНА
ТЕМНЫЙ МИР.
ВОЗВРАЩЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Времена

Александра Лисина

Темный мир. Возвращение

«АЛЬФА-КНИГА»

2019

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Лисина А.

Темный мир. Возвращение / А. Лисина — «АЛЬФА-КНИГА»,
2019 — (Времена)

ISBN 978-5-9922-2954-7

Драконы – самая древняя и загадочная раса, которую эльфы на Алиаре боготворят уже много тысячелетий. Бессмертные воины, надежные защитники и мудрые покровители... увы, легенды, как это нередко бывает, имеют мало общего с реальностью. И когда Таррэну приходится лицом к лицу столкнуться с так называемым Создателем, то ни к чему хорошему это не приводит. Однако именно эта встреча приносит ответы на многие вопросы, которые Л'аэртэ безуспешно искали в собственном мире. И именно она поставит окончательную точку в этой долгой и запутанной истории.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2954-7

© Лисина А., 2019
© АЛЬФА-КНИГА, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Александра Лисина

Темный мир. Возвращение

Пролог

Море... бескрайнее синее море, блестящее под солнцем, словно посыпанное серебристой пылью зеркало. Такие же бескрайние небеса. Вольный воздух, который так и хочется вдохнуть полной грудью... Этим утром распахнутый настежь мир как никогда выглядел прекрасным и нетронутым. И он действительно был бы таким, если бы не появившийся на языке привкус гари и не клубы черного дыма, застилающие горизонт.

Он знал, что должен спешить, чувствовал, что в Гнезде творится неладное. Но отчаянно надеялся, что успеет все объяснить братьям и предотвратить самое страшное.

Могучие крылья торопливо вспарывали густой, как кисель, воздух. Ветер натужно гудел за его спиной. Широкая грудь вздымалась часто, взволнованно. Дыхание оттуда вырывалось жаркое, с огненными искрами. Громадные ноздри с шумом втягивали влажный воздух, а огромное сердце сжималось от недоброго предчувствия.

Он спешил, стремясь вперед гигантской птицей. Его глаза уже различали неровную линию скал, за которую не было ходу ни пешему, ни конному. С болью видел, что именно оттуда тянется дым. Гигантский остров приближался с невероятной быстротой, потому что теперь летящего подгонял не только ветер, но и тревога.

Отступник... вот как они его называли... тщеславный глупец. Неразумный творец, отдавший свою кровь двуногим. Нарушитель. Преступник. Выскочка... и лишь Великая Мать его понимала. Она знала, на что он решился во имя нового и светлого. Знала, потому что именно к ней он пришел за советом. И пообещала, что поддержит его младших детей, если в том возникнет необходимость. А теперь Гнездо, куда он рискнул привести своих птенцов, рушилось прямо на глазах.

Он горестно закричал, увидев, как из-за кольца высоких скал вырвался чудовищно длинный язык первородного «Огня». С ужасом следил, как от удара осели многовековые горы. В панике понял, что Гнездо уничтожено. А потом с неистовым ревом бросился вниз, полубезумным взглядом обшаривая изуродованное плато в поисках уцелевших.

И он нашел их – крохотные, но поразительно упрямые фигурки, в руках которых жалкими тростинками посверкивали стальные клинки. Они выглядели такими слабыми рядом с десятками извергающих пламя собратьев! Их лица были закопчены, окровавлены, измучены... но они не сдались. Оставшись один на один против повелителей неба, все равно не сдались. И упорно держали магическую защиту перед разъяренными крылатыми, которые коршунами кружили над скалами.

– Нет... – слетело с его онемевших от ужаса губ. – Только не так... братья мои, почему же вы не видите?!

А потом его взгляд отыскал другую тень – могучую и величественную. Такую же крылатую, как и те, что с бешеной скоростью носились над поруганным Гнездом: Великая Мать закрывала собой его детей... тех, для кого он сердце разорвал и за кого был готов биться до последнего вдоха.

Он не понял, что случилось потом. Глаза слезились от встречного ветра, в груди судорожно сжималось неистово колотящееся сердце... но поздно. Слишком поздно он понял, для чего братья заставили его покинуть Гнездо в тот страшный день. И поздно осознал, что его слова не достигли их разума. Они не поверили, что его создания когда-нибудь смогут стать

равными драконам. Не поверили, что у них хватит мудрости правильно использовать дарованную силу. И решили исправить ошибку сородича.

Над полуразрушенным Гнездом пронесся многоголосый крик, и в самом его центре раскрылся громадный огненный цветок. Жаркий, смертельно опасный даже для дракона «Огонь жизни», в котором мгновенно исчезла Великая Мать, до последнего закрывавшая собой двуногих. Вместе с ней в бушующем пламени исчезла и горстка храбрецов, посмевших противиться воле драконов. На том месте, где они только что стояли, взвился до небес чудовищный по силе огненный столб. А когда он опал, на оплавленных скалах осталась лишь дымящаяся воронка и статуя... невыразимо прекрасная статуя драконицы с распахнутыми в защитном жесте крыльями. Из-под каменной чешуи на миг проступило женское лицо с невыразимо печальными зелеными глазами, в которых стремительно угасали последние искорки жизни...

Глава 1

– Бел! – вскрикнул Таррэн и сел, лихорадочно оглядывая погруженную во мрак комнату. Но почти сразу обхватил руками мокрые от пота виски и глухо застонал: все-таки заснул... проклятье! Ведь не собирался же! Слово дал, что на этот раз глаз не сомкнет, пока не увидит ее снова или пока не ответят разорванные узы. Будь неладна эта Алиара, проклятый дворец, его настойчивый владыка, упрямый до безумия совет старейшин, проклятый договор, отец с его наставлениями, Эл с его нелепыми советами, весь этот ненужный мир, из-за которого Белка до сих пор не вернулась!

Прошла неделя с тех пор, как эльф сглупил и посмел обидеть ее недоверием. Целая проклятая неделя, в которой каждый день тянулся как год, а ночь – как настоящая вечность. На протяжении этой недели он каждое утро неохотно вставал, еще неохотнее тащился на совет, вяло обсуждал какие-то глупости. А потом так же вяло, все время ощущая на себе сочувствующие взгляды, тащился обратно. Чтобы, придя в свою комнату, упасть в глубокое кресло и целиком отдаться на волю уз, у которых сейчас и всегда была лишь одна важная задача – найти ее. Любой ценой.

Таррэн с отвращением посмотрел на постель, которая уже неделю оставалась несмятой. Невольно вспомнил, как совсем недавно на этих простынях умиротворенно спала Белка. Затем поднялся с сиротливо приютившейся в углу кушетки и, плеснув в лицо воды из кувшина, с тоской уставился в пустоту.

«Бел... где же ты? – Невеселая мысль в который раз облетела спящий дворец, но, как и раньше, вернулась без ответа. – Почему разорвала узы? И почему не отвечаешь на мой зов? Неужели я обидел тебя так сильно, что ты не хочешь меня видеть? Прости меня, Бел, я не сдержался и сожалею об этом... прости и возвращайся, любовь моя. Я тебя очень жду...»

Какое-то время Таррэн стоял неподвижно, с надеждой прислушиваясь к царящей вокруг тишине, но потом с горечью понял, что Гончая и сегодня не ответила. После чего расправил рубаху, в которой уснул не раздеваясь, рывком поднял с кресла ножны и, чувствуя, что проклятый сон упорно пытается свалить с ног, вышел в коридор. Где его тоже встретили темнота, тишина и... массивная тень с недобро горящими глазами, от одного вида которых у несведущего человека сердце мигом сбегало бы в пятки.

– Хозяин? – вопросительно рыкнул Таш, находясь на грани трансформации.

Таррэн дернул щекой и, знаком показав, что все в порядке, направился в сторону каменной клетки, в которую добровольно запирали себя уже которую ночь и до изнеможения занимался с родовыми клинками. Бешеным зверем носился по лабиринту, соревновался в скорости с ветром... что угодно делал, лишь бы не думать и не дать растущему отчаянию завладеть собой целиком.

– Хозяин, вам помочь? – бесшумно выступил из темноты, блестя такими же желтыми, как у брата, глазами, Нэш.

Таррэн молча покачал головой.

Перевертыши так же молча отошли. А когда за молодым лордом закрылась дверь, с тихим вздохом присели возле стены – хозяин не любил, когда ему мешали. Но внешнее спокойствие давалось ему нелегко. А после того, как он, забывшись, едва не спалил шевелюру навязавшемуся в напарники Элиару, тренировался исключительно в одиночестве.

Хотя, возможно, причина нежелания хозяина видеть их рядом с собой на полигоне заключалась еще и в том, что они отказались искать своего вожака. Еще тогда, когда сразу после ее ухода он сгоряча рявкнул: «Найдите!»

– Простите, хозяин, – отозвался тогда оставленный за старшего Таш. – Наша первоочередная задача – охранять вас.

– Меня не нужно охранять!

– Еще раз прошу прощения, но у нас приказ.

Таррэн глухо выругался.

– Шир! Найди Бел и немедленно верни!

– Я больше не нужен моему лорду? – неестественно спокойно осведомился Шир, даже не подумав сдвинуться с места.

Таррэн от ярости едва не вспыхнул снова, при этом посмотрев на упрянца так, что даже бесстрашные охотники едва не отступили на шаг, Тирриниэль всерьез озаботился проблемой сохранения дворца, Элиар начал потихоньку плести защиту. Но, к счастью, это быстро прошло: пытаться остановить или, еще хуже, заставлять Белку делать что бы то ни было грозило повреждениями, не совместимыми с жизнью. Так что опасения Шира были оправданны, и Таррэн не мог этого не знать.

– Стрегон? – В последней надежде темный повернулся к кровнику.

Полуэльф только вздохнул:

– Я могу найти Бел... при удаче. И если никто не помешает. Но вернуть? Вы же знаете, это никому не под силу.

«Кроме тебя», – мысленно добавил он.

И вот тогда у Таррэна опустились руки: перевертыши не могли нарушить приказ вожака, это у них в крови. А Белка, судя по всему, приказала держаться от нее подальше и ни на шаг не отходить от него, глупца, напрочь позабывшего, какой взрывоопасный у нее нрав. Они не смогли бы вернуть ее обратно, испрашивая прощения за своего лорда. И уж конечно не рискнули бы нарушить приказ и оставить его без защиты.

– Найди Бел, – устало вздохнул Таррэн, отводя погасшие глаза и убирая вокруг себя ореол бешеного пламени. – Просто найди и скажи, что...

– Да, мой лорд, – грустно улыбнулся Стрегон и ушел, не желая, чтобы гордый эльф показывал свою боль посторонним.

– Доброе утро. Как дела? – настороженно поинтересовался Элиар, вскоре после рассвета наткнувшись на побратима в коридоре.

Таррэн криво усмехнулся:

– А ты не видишь?

Светлый внимательно изучил его уставшее лицо с темными кругами под глазами, правильно расценил тлеющие в глубине зрачков алые огоньки. Покосился на дымящуюся дверь, за которой дворец уже восстанавливал оставшиеся от полигона руины, на тускло светящиеся родовые клинки, которые темный еще не успел убрать в ножны, и неодобрительно покачал головой.

– Скоро совсем себя изведешь. Опять ночь не спал?

– Почему? Подремал.

– Сколько, минуту? Две? – негодуяще фыркнул Элиар. – Или пару мгновений, когда сил совсем не осталось?!

– Отстань, – раздраженно отвернулся Таррэн.

– Не отстану! – неожиданно заупрямился побратим. – Ты себя в зеркале видел? У тебя ж резерв скоро выгорит! Ты хоть подумал, что со мной сделает Милле, если узнает?! А Тир? И Тебр! А Тору я что скажу?!

Таррэн, не выдержав упрека, отвел глаза.

– Прости, брат. Когда ее нет, мне... тревожно.

– Бел вернется, – настойчиво сказал Элиар, ободряюще сжав его плечо. – Как только остынет, сразу придет и, как водится, надает нам по ушам. Тебе – за то, что языком мелешь где

ни попадая, мне – просто так, за компанию... сам знаешь, от такого удовольствия она никогда не откажется, хотя я до сих пор не понимаю, что она нашла в таком дураке, как ты.

Темный эльф наконец слабо улыбнулся.

– Ты пробовал ее позвать? – строго осведомился Элиар.

– Каждый день зову, – прошептал Таррэн.

– И как? Что с узами?

– Ничего. Бел разорвала их сразу и с тех пор больше не отзывается.

– Ты ее чувствуешь?

– Нет.

– А Стрегон?

– Он ее не нашел. Вернее, нашел, но Бел не желала вернуться. Сказала, что хочет побыть одна.

Элиар недоверчиво покосился:

– И все?

– Да. – Таррэн тяжело вздохнул. – Мы и раньше иногда не сходились во мнениях. Она бурчала, бросала все дела и сбегала к своим кошкам. Иногда ворчал я. Когда-то мы оба были неправы... на день... час... или пару минут... но потом все становилось как раньше, потому что Бел, как ни странно, быстро отходит. И она всегда умела прощать. Но впервые за все время она ушла от меня надолго и так далеко, что я не могу ее почувствовать. Неделя... проклятая неделя, за которую я не могу даже выкроить время, чтобы найти ее и вернуть! Наверное, я слишком привык, что она рядом? Без нее мне трудно. Эл, если бы ты знал, как мне трудно! Да еще эти сны...

– Бел вернется, – твердо повторил Элиар. – Подумает, остынет и непременно вернется: ей без тебя тоже нелегко.

– Это-то меня и пугает. – Таррэн поднял горящие глаза, и светлый вздрогнул, на мгновение окунувшись в океан тревоги, плескавшейся там до самого горизонта. – Я боюсь, что она может сорваться. Пять лет назад я едва успел. Если бы не Эланна и Траш, Бел могла стать... другой. И мне страшно подумать, что тогда ее не остановила бы ни стая, ни я, ни дети. А сейчас это может повториться. И я проклинаю себя за то, что подверг ее такому риску.

Эл до боли прикусил губу, но возразить было нечего. Для такой, как Бел... для ее крови и наклонностей Траш любое потрясение могло стать опасным. Слишком мало времени прошло с тех пор, как их сознания разделились. Слишком много лет Гончая провела, держа на плечах эту трудную ношу. Слишком много труда потребовалось, чтобы удержать Белку от превращения в зверя. И слишком велика была угроза полного единения с хмерой.

Владыка Золотого леса в последние годы упорно гнал от себя мысль, что они могли опоздать с созданием эликсира. Старался не замечать, как быстро порой вспыхивает Белка из-за пустяков. Пытался уверить себя в том, что это – всего лишь последствия, которые с годами сойдут на нет. Но при этом каждый раз с холодком слышал рычащие нотки в ее голосе, следил за неправдоподобно плавными шагами, не раз подмечал неуловимые изменения в ее лице и тщетно убеждал себя, что это пройдет. Но червячок сомнения все же подтачивал его душу, упрямо нашептывал, что многие из повадок Траш слишком глубоко въелись в ее плоть и кровь. Не желали оставлять ее даже после возвращения Таррэна. И настойчиво говорили о том, что Бел действительно изменилась за эти годы: стала резче, жестче, чем обычно, но при этом гораздо сильнее. Настолько, что порой вся стая перевертышей не могла удержаться на колоннах, вступая в схватку со своим вожаком. И раз уж он, светлый, видящий ее далеко не так часто, как хотел бы, заметил эти перемены, то Таррэн наверняка отыскал их гораздо больше. И именно поэтому места себе не находил.

Элиар прикрыл глаза.

– Если хочешь, давай попробуем вдвоем. Я прикрою тебя, а ты воспользуешься моим венцом. Или у Тиля возьмем – не думаю, что он откажет.

Таррэн покачал головой.

– Я уже пробовал. Бел не отзывается. И мне порой даже начинает казаться, что ее вообще здесь нет.

Светлый слегка вздрогнул.

– А портал?

– На месте, – отвернулся Таррэн. – Я проверил сразу, но Бел все еще на Алиаре. Но или так далеко, что не слышит даже зова, или...

«Не может его услышать, – с холодком подумал Элиар. – А услышать она не может только в одном случае: если то, чего мы боялись, все же произошло и Белка сейчас... не совсем Белка».

Он в тревоге посмотрел на побратима, но по его виду понял, что Таррэн об этом тоже думал. И боялся, что эта мысль окажется верной. Более того, наверняка немалую часть сил постоянно тратил на то, чтобы поддерживать хоть какую-то связь с пропавшей супругой, а ночью отдавал ей столько, сколько способно было отдать его уставшее тело. Затем тратил бесконечно долгий день на какие-то пустяки и со страхом ждал наступления следующей ночи, каждый час которой превращался в настоящую вечность, а каждая неудача – в маленькую смерть.

У Элиара изменилось лицо, когда он вспомнил, как всего два дня назад они с Тилем пытались образумить отрешившегося от всего мира Таррэна. Как тормозили его, напоминали о договоре, говорили, что нельзя весь день таращиться в никуда и ни слова не сказать в защиту своих интересов... болваны! Да не было у него больше никаких интересов! Таррэну не нужен был мир, если в нем не окажется Белки! И если он все еще оставался здесь, то лишь потому, что уважает отца. А исход этих трудных переговоров стал для него совершенно неважным.

– Прости. – Светлый поджал губы, и Таррэн слабо кивнул. – Прости, брат. Я не подумал. Возьми мой резерв...

– Не нужно, – качнул головой темный. – Мы с тобой все еще слишком разные. Да и моя аура тогда изменится, а мне бы не хотелось... неожиданностей.

– Может, тебе сегодня не ходить на совет?

– Для отца это важно, – снова вздохнул Таррэн.

– Таррэн! – окончательно растерялся Элиар, но побратим лишь невесело покачал головой.

– Мне ничего не остается, кроме как сидеть и ждать. Меня никто не отпустит свободно разгуливать по Эоллару. Даже если я смогу незамеченным покинуть дворец, то меня опознает любой маг, любой эльф – по лицу, по мечам, по магии. Никакая личина не поможет. Я – не Бел, брат. А если наплевать на владыку и уйти вопреки его воле... тогда мы вообще зря сюда пришли. Так что нет, Эл. Мне просто некуда деваться. Отцу – тоже. Все южное крыло находится под неусыпным надзором. Даже рыжему не под силу удрать отсюда так, чтобы никто не услышал. По крайней мере, на двух ногах. А отпускать его на четырех... сам знаешь: только Стregon чувствует Бел достаточно хорошо. Но она не велела ему оставлять меня, поэтому он не уйдет.

Элиар на мгновение прикрыл глаза.

– Что с Истаэром?

– Уехал в тот же день, как закончил петь свои песни, – невесело хмыкнул Таррэн.

– Стregon не сказал, зачем Бел попыталась его коснуться?

– Нет.

– А сам что думаешь?

– Ничего, – вздохнул темный. – Кроме того что я испортил ей какой-то план. Но даже представить не могу, зачем он ей понадобился!

– Может, дело в оружии?

– Да брось. У нас его столько, что хватит на целую армию: Крикун когда-то делал, затем Стражи, твои эльфы, да и я сам немало ковал... там собрано лучшее, что есть на Лиаре. Лучшее, что мы смогли для нее создать. Разве что ее могли заинтересовать хроники, о которых кузнец знает лучше всех? Но он уехал. И уехал один – я проверил. А отыскать его жилище на Алиаре не под силу даже владыке – Истаэр слишком ценит независимость, поэтому найти его можно только через остров Трех Отшельников. А туда, кроме как через порталы и по воздуху, не доберешься. И то можно лишь оставить послание в приметном месте, а уж когда Истаэр изволит его забрать – одному Торку известно. К тому же Белка не успела его зацепить. Так что Истаэр ушел без объяснений и, судя по всему, в бешенстве от того, что мы наплевали на его искусство.

– После того как ты один раз его уже скрутил, во второй он нарываться поостерегся.

Таррэн поморщился:

– Он все же не дурак, хоть и упрям как осел. «Огонь жизни» ему не по зубам, так что связываться с нами для него равносильно самоубийству.

– Особенно после того, как ты наглядно это продемонстрировал, – хмыкнул Элиар. – Но учти: вечером я к тебе все равно приду, и мы попробуем отправить зов вместе.

Таррэн удивленно обернулся, но светлый кивнул:

– Да-да, попробуем. Несмотря на твои сомнения и мои невеликие способности к вашему дурацкому «Огню». Видно, мне на роду написано слать вам зов Торк знает откуда. Сперва тебе, теперь вот Бел... и даже не вздумай возражать! Я сегодня же беру твоего отца за руку, и мы делаем это втроем. Вместе, что бы ты ни говорил. И сидим в твоей комнате до тех пор, пока не получим внятного ответа... или подзатыльника от твоей нахальной пары, у которой никогда не было почтения к нашим ушам.

Таррэн мгновение растерянно смотрел на побратима, но потом вздохнул и наконец улыбнулся:

– Спасибо, Эл.

– Мой лорд, можно мне тоже? – тихо спросили за спиной.

Эльфы изумленно обернулись, но неслышно подошедший Стрегон так же спокойно пояснил:

– Я могу дать вам след. И запах. Я помню его и слышу почти постоянно.

– Тебе же запретили, – прищурился Элиар.

– Запретили искать самому. Тогда как запрета на помощь вам не поступало.

Таррэн недоверчиво оглядел перевертыша с ног до головы.

– Мне это не нравится, – тихо сказал Стрегон, бестрепетно выдержав его внимательный взгляд. – Я видел ее сны – они тревожны и почти все связаны с Изиаром. И мне кажется, что Бел еще сама не знает, зачем ушла.

– Она рядом? – спросил так же бесшумно подошедший к сыну Тиль.

– Нет, сэилле. Ее запах слаб. Вряд ли вы сможете ее отыскать без моей помощи.

– Она с тобой говорила?

– Нет, мой лорд.

– Связаться пыталась?

– Больше нет, – покачал головой Стрегон. – Но стоя волнуется не меньше, чем вы. А из них только мне удастся почуять Бел достаточно хорошо, чтобы указать вам направление.

– Хорошо, – медленно наклонил голову Таррэн. – Мы попробуем. Сперва одни, потом – с тобой, если ничего не получится.

– Лучше наоборот, – не согласился Элиар.

– Я почти не поддаюсь магии, – на всякий случай напомнил Стрегон, видя, что Таррэн колеблется. – К тому же Бел назвала меня кровным братом и вряд ли расстроилась настолько, что решила...

– Братом?! – ошарашенно крикнул Элиар. – Когда?!

– Вчера. Она сказала, что для меня это – лучший вариант. И я с этим полностью согласен.

– Таррэн, ты знал?!

– Конечно, – хмуро кивнул эльф. – Только думал... впрочем, какая разница, кто кого водил за нос? К тому же раз он согласился, то это действительно лучший вариант. Особенно для меня, потому что среди этой мохнатой братии есть хотя бы один разумный человек, у которого хватило совести обойти прямой приказ вожака.

Тиль неопределенно хмыкнул:

– Там весь род такой.

– Согласен. Хотя, конечно, не думал, что все получится именно так. – Таррэн вздохнул, а потом вдруг протянул открытую ладонь и вопросительно взглянул на удивленно отпрянувшего охотника. – Ну что, рискнешь нагнать дальше?

У Стрегона невольно дрогнул голос:

– Что?!

– После того, что случилось, и того прошлого, в котором ты... как и твой дальний предок... приняли деятельное участие, для нас с тобой, как сам понимаешь, возможен лишь один вариант, когда мне в один прекрасный день не захочется тебя прибить, а тебе не понадобится со мной соперничать. Бел этот вариант нашла. Более того, осуществила, не ставя нас обоих в известность. Да-да, не удивляйся: до меня тоже только недавно дошло. Но ты больше не сможешь относиться к ней так, как мне бы не хотелось, и не совершишь ошибок, которые могли бы доставить нам обоим неприятности. А я, в свою очередь, лишился повода за тобой приглядывать, потому что... полагаю, ты в курсе, насколько ревнивы мужчины моего рода?

– В общих чертах, – кашлянул Стрегон, невольно припомнив, где и в каком виде предстал перед ним после первого настоящего единения с Белкой. Торк! А ведь Таррэн тогда и бровью не повел. Просто поговорил и отпустил восвояси, ни словом, ни делом не намекнув, что ему неприятно видеть любимую жену рядом с другим мужчиной. Если бы он не был полностью уверен в ней, если бы усомнился хоть на мгновение в нем... если бы не понял именно тогда, ради чего Белка позволила новорожденному волку пропороть себе плечо...

Перевертыша аж перекосило от этой мысли.

– Вот именно, – усмехнулся темный эльф, с поразительной легкостью считав его мысли. – Но раз повода у меня больше нет, то, может, ты сделаешь еще один благоразумный шаг? Что скажешь... брат?

Стрегон пару мгновений всматривался в его усталое лицо, а потом благодарно наклонил голову и осторожно пожал протянутую руку.

Глава 2

Рен Сорен ал Эверон в который раз покосился на темнеющее небо и с досадой признал, что снова не нашел ни единого следа пропавшего Белика. Для чего владычице понадобилось проявлять такое внимание к проблемам чужаков, он не знал и лишних вопросов, разумеется, не задавал, но когда получил приказ во что бы то ни стало разыскать пропавшего мальчишку, то почувствовал, как внутри снова поднялась волна глухого раздражения.

Проклятый лаонэ! Из-за него возникло столько проблем, что этого поганца стоило удавить еще во младенчестве. Или же сбросить в пропасть молчания, что испокон веков зияет возле северной галереи. Но искать... да еще привлекать к этому чуть ли не половину дворцовой стражи... честное слово, нелепо. Однако госпоже не откажешь, к ней не придешь теплым вечером и не заявишь в сердцах, что она и так уделяет чужакам неоправданно много внимания.

Рен Эверон тяжело вздохнул.

Наверное, Создатели разозлились на него, раз поставили в унижительную зависимость от Белика, а потом сделали так, что леди Эланна возложила на своего верного слугу обязанность по поискам сопляка. Однако и этого им, видимо, показалось мало, потому что теперь весь личный состав стражи рыскал с утра до ночи по бескрайним садам, но при этом никто даже не увидел свежего следа!

Начальник личной стражи владычицы сжал кулаки.

Как... ну как могло случиться, что его следопыты в одночасье превратились в одураченных болванов, не умеющих отличить след простого человеческого мальчишки от отпечатка обуви какого-нибудь вельможи?! Как они могли за эту неделю целых семь раз расписаться в собственной беспомощности?!

Начальник дворцовой стражи едва не сплюнул, но вовремя опомнился: владыка Эоллара близко, его глаза и уши – духи леса – наверняка обо всем доложат. Так что следовало проявлять сдержанность и выполнять неприятное поручение госпожи. Не привлекая неумех, которых мерзавец Ортэ обозвал «длинноухими болванами» и «выскачками». Хотя в кои-то веки рен Сорен был готов с ним согласиться.

Однако истинной причиной его раздражения стали не нерадивые подчиненные, а тот факт, что за целый день он ни на шаг не приблизился к разгадке.

Рен Эверон, в который раз вернувшись на поляну с фонтаном, где, как он знал, мальчишка любил отдыхать, окинул ее обреченным взглядом и тихо выругался. Да что ж такое?! Где следы?! Погнутые или сломанные ветки, глубокие вмятины от каблуков?! Следы белобрысого полукровка – вот они! В глаза бросаются! Но он вряд ли стал бы специально топтать по всей округе, чтобы испортить настроение начальнику дворцовой стражи! И вряд ли успел затоптать следы Белика, дабы быть уверенным в том, что его подопечного не отыщут!

Немного постояв и мысленно досчитав до сотни, рен Эверон с новым вздохом присел на корточки, внимательно изучая землю.

Так... вот тут стоял смертный. А немного поодаль топтались пятеро дикарей, которых гости называли охотниками. И если других признаков, кроме вмятин на земле, от них не осталось, то после Белика сохранился запах – легкий, едва уловимый, но на удивление приятный.

Эльф хорошо его запомнил, когда мальчишка пару раз оказывался рядом. И еще тогда подумал, что тот, вероятно, пользуется какими-то благовониями. Потом, правда, от этой мысли пришлось отказаться, потому что аромат был слишком ровным и всегда одним и тем же, однако кое-какие сомнения оставались. Вот и сейчас: почти неделя прошла с того дня, как пацан приходил к фонтану, но на бортике все еще можно было уловить легчайший намек на его присутствие.

Обычный эльф его бы не почуял – для этого требовались особые таланты. Но рен Эверон ощущал этот запах довольно отчетливо. Спасибо наследию предков и должности, ради которой ему пришлось поступиться честью и освоить нелегкую профессию нюхача.

Эльф коснулся кончиками пальцев земли и снова, как уже много раз до этого, двинулся по едва уловимому следу, стараясь больше ничего не напутать. В любом другом месте его было не найти – Эверон успел в этом убедиться. Однако у фонтана Белик появлялся довольно часто и только здесь был неосторожен настолько, что дал хоть за что-то зацепиться чуткому носу нюхача. В прошлый раз аромат кожи Белика привел начальника стражи к южному крылу, где проживали чужаки. Этот след рен Эверон сразу отмел – если бы мальчишка вернулся, то стражников бы не заставили искать стервеца посреди ночи.

Второй след вывел его к залу совещаний, и тоже мимо: Белик бывал там почти каждый день и вряд ли решил спрятаться в месте, рядом с которым неусыпно бдили эвитарэ владыки.

Третий раз рен Эверон дошел чуть ли не до западного крыла, однако вскоре повернул назад: та бойня у ворот хранилища ему еще долго будет сниться в кошмарах.

Четвертый след увел настойчивого стража на северную галерею, где испарился, достигнув низеньких перил, как будто проклятый пацан вдруг отрастил себе крылья или сиганул в пропасть.

Пятый закончился где-то возле Галереи великих, не дойдя до нее ста с половиной шагов. Однако потом снова появился на толстой ветке у дворцовой стены и только там окончательно рассеялся, в который раз оставив раздраженного эльфа с носом.

Шестой след оборвался, так и не начавшись, будто Белик, решивший зачем-то двинуться на восток, в последний момент передумал и помчался обратно, словно что-то забыл или почувствовал.

Наконец, седьмой след рен Сорен надеялся отыскать сегодня. И еще больше надеялся, что он не окажется пустышкой, как предыдущие, на каждый из которых, между прочим, ему пришлось потратить почти сутки напряженной работы.

Слегка прикрыв глаза, эльф осторожно втянул ноздрями прохладный воздух.

Где же ты, Белик? Куда отправился, дрянной лаонэ? И почему только здесь твой запах сохранился почти неизменным, тогда как в других местах его оказалось невозможно поймать? Оттого ли, что здесь ты проводил больше времени? Оттого ли, что на камне до сих пор белел след твоей ладонки? Оттого ли, что это с носом эльфа что-то не в порядке, поэтому он способен уловить твой аромат лишь здесь, рядом с залом совещаний, где ты так долго всем досаждал?

Рен Эверон неожиданно вздрогнул: есть! Есть седьмой след!

Его губы расплзлись в хищной усмешке.

Он быстро поднялся и, старательно держа нос по ветру, двинулся прочь. Он даже не смотрел, куда именно идет, полностью сосредоточился на ощущениях и опомнился лишь тогда, когда вечерний ветерок принес с собой другой запах – легкий, чарующий и ужасно знакомый.

– Госпожа? – удивленно моргнул эльф. Мгновение он колебался, качнулся в ту сторону, чтобы убедиться в собственной правоте, и... тут же потерял след мальчишки! – Проклятье! Как не вовремя!

Рен Эверон дернулся влево, вправо, даже присел, пока нос не утратил чувствительность, однако ничего не добился – аромат владычицы был так силен, что полностью перебил слабый запах Белика. И пока госпожа не уйдет, пока ее собственный запах не выветрится полностью, вернуться сюда не получится. Увы. Придется или возвращаться к фонтану, или умолять леди Эллану погулять где-нибудь в другом месте.

Рен Эверон в сомнении прикусил губу, но рассудил, что последний вариант его вполне бы устроил, так как позволял надеяться, что проклятый аромат все же не испарится за следующие сутки. Поэтому эльф поднялся, внимательно запомнил ориентиры и двинулся по новому следу.

Разумеется, тот привел его на северную галерею – владычица любила это мрачноватое место. Чем уж оно ее привлекало, было непонятно, но рен Эверон не раз заставлял ее здесь. Вот и сейчас он безошибочно определил, к какой из колонн прислонилась повелительница, и вполне мог представить, как она, прикрыв глаза, слушает поющий над ущельем ветер, смотрит на отсветы далеких звезд, рассеянно гладит мраморные перила и слабо улыбается, будто в неслышном шепоте луны действительно есть слова, которым стоило подарить чарующую улыбку.

Дойдя до предпоследних деревьев, за которыми начиналась узкая, продуваемая всеми ветрами галерея, начальник дворцовой стражи почувствовал еще один запах и резко замер.

– Добрый вечер, леди, – донесся до него мягкий баритон. – Вам тоже не сидится спокойно?

– Лорд Тирриниэль?

– Не возражаете?

– Нет, конечно, – вроде бы даже растерялась владычица, но тут же собралась с мыслями и учтиво кивнула. – Простите, я не ожидала вас здесь встретить.

Рен Эверон недобро уставился на чужака: темный лорд стоял к нему спиной, облокотившись на парапет и устремив взгляд в сторону бесконечно далекого горизонта, где уже исчезали последние солнечные лучи. Белоснежные волосы чужака были небрежно отброшены за спину. Черный камзол сидел как влитой. Ненормально широкие плечи неприятно резали взор, а обманчиво тонкие пальцы с такой легкостью снимали с перил крохотные каменные чешуйки, что спину стража окатило морозом.

– Красивое место, – вдруг кивнул Тирриниэль.

Эланна, настороженно застывшая в нескольких шагах от него, удивленно обернулась:

– Вам нравится?

– Здесь чувствуется величие и спокойствие вечности. Биение жизни и дыхание смерти. Гибель и возрождение. Стремительный полет ветра и медленное угасание солнца... это действительно красиво.

Эланна покосилась на него совсем странно:

– Я не знала, что северная галерея понравится кому-то еще.

– Что поделаешь, – темный владыка неопределенно пожал плечами, – бывают порой и еще более странные совпадения.

Он по-прежнему смотрел в сторону – суровый, невозмутимый и загадочный, но Эланне почему-то показалось, что он улыбается краешками губ. Хотя, конечно, она не была уверена, потому что не решилась разглядывать его слишком долго.

– Бел еще не вернулся? – спросила она, поддавшись безотчетному порыву.

– Нет.

– А как Таррэн?

Тирриниэль чуть опустил плечи.

– Когда Бел далеко, он неспокоен. А с нашей магией... сами понимаете – ему это не на пользу. Но не волнуйтесь, вашему дому ничто не грозит. Таррэн умеет сдерживаться.

– В тот день он был слишком резок, – прикусила губу владычица. – Из-за этого Бел ушел, да?

Владыка Темного леса ответил не сразу.

– Думаю, что не только. Таррэн не говорит об этом, а мы стараемся лишний раз не напоминать. К тому же они с Бел давно научились понимать друг друга.

– Таррэна долго не было дома, – совсем тихо уронила она. – Бел много лет пришлось обходиться без него. И за это время Траш... ваши кошки... они оставили в его душе глубокий след.

– Да. Это было неизбежно.

– Это... имеет отношение к тому, что происходит сейчас? – с замиранием сердца спросила владычица. – То, что из-за нашей оплошности ваш сын задержался, а разум Траш оказался слишком силен? Могло ли это повлиять на решение Бел?

Эльф только вздохнул:

– Мне бы хотелось думать, что нет. Но когда Бел не хочет, чтобы его нашли, это никому не под силу.

– Даже вам?

Тирриниэль наконец повернул голову и внимательно посмотрел на обеспокоенную эльфийку.

– Да, леди. Я не всемогущ.

– Что же теперь? – Ее голос опустился до тревожного шепота.

– Будем ждать. И надеяться на то, что Бел, как всегда, остынет.

– А позвать его как-то нельзя? – нерешительно поинтересовалась она. – Ведь были же узы...

Тирриниэль усмехнулся:

– Теперь их нет. Я же сказал, когда малыш не хочет быть найденным, никто не сумеет его отыскать. Что же касается уз, то он научился с ними работать еще тогда, когда Таррэн его знать не знал и понятия не имел, что малыш существует. Со временем же Бел отточил свои умения так, что теперь, пожалуй, ни в чем не уступит даже мне. А кое в чем, возможно, и превзойдет.

– Неужели ничего нельзя сделать? Я ведь вижу, как Таррэну трудно: у него каждый день глаза горят, как у пересмешника. Все время кажется, что еще немного и он просто сгорит!

– Вы правы, – неохотно кивнул Тиль. – Бел – единственное существо, которое умеет сдерживать моего сына, когда это необходимо. А Таррэн, как ни странно, единственный, для кого малыш это делает. Так уж они живут. Такими их создали. Иногда мне кажется, что, если бы не Бел, мой род исчез бы с Лиары целиком, и это – очень трудное знание, леди. Трудное даже для меня, несмотря на то что Бел оживил и мою душу.

Владычица изумленно дрогнула:

– Вам трудно?

– Безумно, – неслышно согласился владыка. – В каком-то смысле способности Бел – это моя заслуга и мое же горе. Усилия, которые для этого потребовались, оказались не соизмеримы с результатом. А то, что малышу пришлось перенести, я никогда не забуду. Но смотреть на него и каждый день думать, что ничего этого могло не быть, невыносимо. Сомнений так много, что они готовы разорвать мою душу. И никому не знакомому с магией рун не постичь глубины того, что останется навсегда похороненным в наших с ним воспоминаниях.

Эланна прикусила губу.

– Магия рун – это исконно магия Создателей.

– Это и наша магия тоже.

– Да, – кивнула она. – С некоторых пор.

– Вы не одобряете нас за это? – неестественно ровно уточнил эльф.

– Не знаю, – после томительной паузы отозвалась владычица. – Я еще не слишком хорошо понимаю причины.

– Имеете в виду наше «предательство»? – мягко спросил Тиль, краешком глаза следя за собеседницей, и Эланна, словно почувствовав это, поспешила отвернуться.

– Не ваше, ллер. Просто прошлое.

Тирриниэль понимающе кивнул:

– Я слышал вашего летописца, в его изложении прошлое выглядит довольно неприглядно. Но я склонен с ним согласиться, что наша сила, включая рунную магию, была получена от Создателей – для этого есть все предпосылки: «Огонь жизни», его неожиданная для Алиары мощь, наша общая ярость, которую порой нелегко держать в узде...

– Создатели были вспыльчивыми существами, – неохотно согласилась владычица. – Однако их сила, отданная в руки ушедших, привела к катастрофе.

– Вы о войне?

– И о ней тоже. Говорят, когда ушедшие... а тогда их называли просто Ищущие... изменились...

Тиль болезненно поморщился.

– Они созвали совет старейшин, чтобы предстать перед владыкой и показать новые умения. Владыка ответил, что в силе Создателей слишком много непознанного и той ярости, которой не противостоит такая же могучая сила созидания. Поэтому было бы опрометчиво использовать ее, не умея контролировать.

Владыка Темного леса нахмурился.

– Иными словами, им отказали?

– Да, – ровно отозвалась Эланна. – И это было мудрое решение, потому что вмешиваться в естественный ход вещей – неправильно. Ищущие получили силу от Создателей – это верно. Но как это случилось, никто из нас доподлинно не знает. Сами они утверждали, что это был дар, однако то, что произошло впоследствии, заставляет сомневаться в правдивости этих слов. Более того, Создатели во всеуслышание заявили, что обряд был проведен без ведома и согласия стаи. Без благословения Матери. Именно поэтому было принято решение о вашем изгнании... но это случилось немного позже. Когда же закончился первый совет и было решено, что больше никто из нас не коснется этого сомнительного дара, отступники пришли в ярость. А потом мы воочию увидели, как сильно они изменились и как пагубно сказалась на их разуме дарованная сила. Мой дед, который правил Алиарой в то время, именно так и заявил, за что был обвинен главой рода Ираэль в трусости.

– Гм... – неопределенно кашлянул Тиль. – Насколько я понимаю, по итогам этого разговора между нашими родами произошла довольно серьезная ссора?

Владычица холодно на него посмотрела:

– Вставал вопрос об отречении, ллер. Полагаю, вам не нужно объяснять, до какой степени был взбужджен совет, если все зашло так далеко?

– Мне почему-то кажется, что одними обвинениями мои предки не ограничились.

– После их ухода наш дворец превратился в руины. Хотя, к счастью, никто не погиб.

Тирриниэль отвел глаза: кто-кто, а он-то отлично знал, на что способен «Огонь жизни». А «Огонь жизни» в руках неопытных магов... о-хо-хо. В роду Л'аэртэ каждый мужчина тратил годы только на то, чтобы научиться им управлять. Для этого юных магов тренировали, учили жить с мыслью о постоянном контроле над эмоциями, часть которых способна стать воистину смертоносными. Такие как ярость, злость, ненависть...

Вероятно, те из Создателей, кто рискнул поделиться с его предками силой, не предполагали, к чему это приведет. И не слышали мудрой поговорки, что оружие бога никогда не должно попасть в руки смертных. И пусть Создатели не боги, но, умея создавать и разрушать миры, они должны были подумать о последствиях. Предположить, что разум молодых эльфов окажется недостаточно стоек. И догадаться, что этот разум может просто-напросто угаснуть в тот момент, когда неистовствующий «Огонь» захватит его целиком.

В то, что дар Создателей достался ему не по праву, Тиль не верил: никаких иллюзий по поводу собственных возможностей он не питал. Ни пятьсот лет назад, ни тем более сейчас. А вот с рассуждениями Белки был согласен, потому что в те далекие времена ни у кого из его предков не было и не могло быть шансов, чтобы безнаказанно потребовать, получить обманом или украсть этот самый дар.

Истинная же проблема состояла в другом: подвергнувшиеся изменению эльфы (возможно, не все, а лишь некоторые из них) вполне могли возгордиться новыми способностями. Не удержаться от соблазна и, не получив признания сородичей, противопоставить себя совету

старейшин и владыке. А то и начать раздумывать о смене правящей династии. «Огонь жизни» – весомый аргумент в пользу завышенной самооценки. И он становится еще более весомым, когда речь заходит о собственном превосходстве. Искушение могло быть слишком велико. А соблазн поддаться амбициям и вовсе непреодолимым.

– Как повели себя наши предки после ссоры? – осторожно покосился Тирриниэль на Владычицу.

– Им было запрещено пользоваться силой. На их умения наложили заклинания ограничения. Главы трех родов на время были лишены статуса старейшин и отстранены от заседаний в совете. Однако до отречения дело не дошло: для правящей ветви... а тогда они были очень близки к ней... все-таки сделали исключение. Но запретили появляться во дворце до тех пор, пока не истечет срок, в течение которого им давалась возможность одуматься. Таково было условие совета: пятьсот лет без права пользоваться магией. Временное изгнание. И вместе с тем полная изоляция от народа.

– Судя по всему, мои предки вскоре нарушили запрет? – так же ровно осведомился Тиль, ничуть не сомневаясь в ответе.

– Да, – кивнула Эланна. – Через двести лет после ухода они покинули выделенный им остров и, вопреки приказу владыки, вернулись на Эоллар.

Владыка кивнул. Все правильно: как только эльфы осознали, чем владеют, и поняли, что теперь для них никто не соперник, то могли так озлобиться, что решили отомстить. Возможно, намеревались сперва поугатать, а потом...

Тирриниэль снова покосился на владычицу.

– Вероятно, эта встреча прошла не слишком спокойно?

– Главы трех ваших родов вернулись с множеством невыполнимых требований. Угрожали совету и владыке. Пытались запугать придворных, кого-то даже сожгли...

«Похоже, ошалели от собственного могущества, – спокойно заключил Тиль. – Вполне могу их понять – то ядро, что стало основой нашей магии, действительно способствует усилению инстинктов. В том числе зависти, мстительности... а уж если за годы отлучения эльфы научились ненавидеть сородичей, то вполне вероятно, что после их возвращения на Эолларе произошел небольшой апокалипсис».

– Они никого не пожелали слушать, – с горечью продолжила Эланна. – Посчитали, что имеют право делать все что угодно. Они посмеялись, когда владыка сказал, что они потеряли души. «Огонь жизни» свел их с ума и превратил в чудовищ! А когда владыка разгневался и потребовал отречения, они... они выпустили свою магию на свободу...

Она отвернулась и до боли сжала кулаки.

– Это было страшно, ллер. Я видела, что случилось, в памяти отца. Тогда он был молод и не претендовал на трон, потому что наследовал лишь в третью очередь после старших братьев. Однако в тот день из всей нашей ветви уцелел только он. И дед, который усилиями лекарей прожил еще несколько столетий, прежде чем обрел покой. В тот далекий день Эоллар пострадал от магии отступников. Земля покрылась пеплом по щиколотку. Тысячи погибших, многие тысячи раненых, над Алиарой несколько месяцев полыхали пожары... весь народ взялся за оружие, чтобы остановить безумцев. А с нами – люди, гномы... все, кто посчитал своим долгом помочь. Но наших сил все равно не хватило, чтобы остановить их, поэтому мы... мы проиграли, ллер. Мы ничего не смогли им противопоставить, и именно это было страшно!

Она прерывисто вздохнула.

– Я не стану вас утомлять подробностями. Достаточно сказать, что из мужчин нашего народа в той войне уцелела лишь треть. Мы потеряли почти всю правящую ветвь. На Алиаре из одного материка образовалось сразу четыре, морское дно на большем своем протяжении опустилось, а где-то, напротив, сильно поднялось. То, что было построено, оказалось разрушено до основания. То, что жило, оказалось безвозвратно уничтоженным. Нам пришлось начинать

все заново. Да и то лишь тогда, когда в войну вмешались Создатели, потому что только с их помощью войну удалось остановить.

– Значит, потом был суд? – недобро прищурился Тирриниэль. – Судили тех, кто уцелел в той войне?

– Да. На Скальных берегах, где испокон веков обитали Создатели, – тихо ответила Эланна. – Но это было еще одной ошибкой. Правда, уже не нашей, а Создателей.

– Почему вы так считаете?

– Никто из нас не присутствовал на суде, ллер, – твердо посмотрела на Тиля владычица. – Однако зарево над Скальными берегами было так велико, что его видели даже на Бравегоне. Конечно, мы не знаем, что именно там случилось, но именно в тот день Скальные берега оказались разрушенными. А Создатели покинули Алиару, и больше их никто не видел.

– Вы тоже полагаете, что это – наша вина?

– Не ваша, – устало отвернулась эльфийка. – Поверьте, я понимаю разницу. Это вина ваших далеких... для вас – далеких, конечно... предков, которых мы искренне считали погибшими. Однако, как недавно выяснилось, какая-то их часть сумела выжить и смогла уйти в другой мир.

– А теперь вернулась, – хмуро закончил Тиль.

Эланна тяжело вздохнула.

– Я должна была вам это рассказать, чтобы вы лучше понимали, почему нам так трудно. С тех пор на Лиаре прошло много времени... много даже для бессмертных. Вы стали другими. Сумели найти равновесие со своей силой. Обуздали «Огонь жизни» и сохранили разум. Однако для нас время текло иначе. На Лиаре в это время прошли многие сотни эпох, за которые не осталось никого из тех, кто принес сюда великое горе... у вас сменились многие поколения бессмертных, в чьей жизни не осталось даже памяти, не говоря уж о былой неприязни... а в этом мире минуло лишь шесть тысячелетий. Совсем немного для тех, чей век исчисляется десятками эпох.

– Мне жаль, – неожиданно обронил темный владыка. – Жаль, что наш приход означает для Алиары возрождение старых страхов. Жаль, что он принес вам лишь горькие воспоминания. И еще больше жаль, потому что я не могу сказать, что они совсем беспочвенны. Однако мне бы не хотелось, чтобы они встали между нашими народами неодолимой стеной и подтолкнули к неверным решениям. За годы изгнания мы многое забыли, но и многое обрели. Мы научились ладить со своим «Огнем». Мы нашли новый дом, леди. Настоящий дом, и нам нет нужды зариться на ваш. Ведь в некотором роде мы – это не те ушедшие, которых вы так боялись. К тому же вернулись сюда мы, а не они. Мы – понимаете, леди? Я не хочу сказать, что мои предки не совершали ошибок, и не имею в виду, что мы совсем за них не в ответе, однако сегодня мы все же здесь. И пришли в том числе для того, чтобы показать – мы не враги Алиаре.

Эланна слабо улыбнулась:

– Мне бы хотелось в это верить.

Тиль серьезно кивнул:

– Мне бы тоже хотелось, чтобы вы поверили.

Она ненадолго замолчала, нервно теребя тонкими пальцами кружевной платок и изучая клубящуюся темноту под ногами.

– Я видела ваш мир, ллер. Не скажу, что было легко на это решиться. Но когда я пришла в Золотой лес, то подумала, что прошлое действительно осталось для вас далеко позади. Я долго сомневалась, наблюдала, изучала вас, сравнивала с образами из памяти рода, что подарил мне отец... но Лиара цветет рядом с вами. Одаривает, как собственных детей. Вы сумели полюбить ее, а она за это приняла вас. Это чудо, ллер. Самое настоящее чудо, раз те, кто нес с собой только смерть, вдруг научились ценить жизнь.

Тиль благодарно поклонился:

– Я рад, что вы сумели это увидеть. Но таковы законы мироздания, и их не обойти никому. Признаться, я много думал об этом. Особенно в последние несколько дней, потому что в вашем мире меня почему-то стали посещать очень странные...

Тирриниэль осекся и прислушался. Какое-то время стоял неподвижно, с силой стискивая похрустывающие от такого напора перила, но потом на его лице появилось непонятное выражение, а из груди вырвался долгий вздох.

– Что не так? – беспокойно повернулась Эланна, едва не забыв, о чем сейчас говорила.

– Таррэн...

– А что с ним?

– Вы не слышите?

Рен Эверон обратился в слух. Какое-то время он ничего не понимал, потому что вечер слишком уж сильно полнился шелестом листвы, стрекотом цикад, порывками эолларских львов. Но потом что-то изменилось в воздухе. Неуловимой тенью пронеслось над притихшими садами, заставляя крикунов умолкнуть, шебуршащихся у корней грызунов – неверяще замереть на месте. А самых чутких и понимающих – изумленно привстать на задние лапы и всем существом потянуться в сторону южного крыла, из которого полилась мелодия эльфийской флейты.

Рен Эверон ошеломленно моргнул.

Бездна... Неужели чужаки играют?! Неужели среди них нашелся кто-то, кто способен разбудить музу и упротить ее спеть для ценителей этого чуда?!

Леди Эланна, мгновенно растеряв свою холодность, ахнула:

– Как это, Таррэн?! Он что, поет?!

Тиль прикрыл глаза:

– Он играет... для Бел.

Леди Эланна оторопела. Точно так же, как оторопел растерянный и почти раздавленный новым знанием Сорен ал Эверон. Потому что это было невероятно... невозможно... невысказано! Но темный лорд действительно играл! Тихую, печальную песнь, в которой только недалекий глупец мог не распознать тщательно укрываемого отчаяния!

Голос невидимой флейты будил странные чувства. Мелодия звучала во внезапно наступившей тишине, делясь своей болью с каждым, кто мог ее понять. Она беззвучно шептала в замершем от неожиданности лесу. Заставляла ветер сочувственно вздыхать. Молча вычерчивала в небе огненные знаки, настойчиво зовя за собой, обещая, умоляя. Она, как живая, разговаривала с миром. И, как путеводная ниточка, указывала дорогу к той, для которой была предназначена.

– Как красиво, – зачарованно прошептала Эланна, завороченная магией песни. – Что это, ллер? О чем он играет?

Тирриниэль колебался, но потом все же решился и тихо, стараясь не перебить мелодию еще звучащей флейты, запел:

По серым дорогам в обрывках одежд
Бродит без сна одинокий скиталец.
Когда-то живой, полный сил и надежд,
Способный на песнь и чарующий танец.

Когда-то давно был он молод, красив,
Обласкан вниманием юных прелестниц.
Когда-то горяч был, безумно ревнив
И верил, что может познать бесконечность.

Он был на вершине, великий Творец,
Но вдруг это все потеряло значенье
Лишь оттого, что однажды во сне
Дыханием чуда был нежно оваян.

Она появилась из грез, как луна,
Возникла из мрака прекрасным виденьем.
Богиня. Волшебница. Чудо. Мечта.
Всевышнего знак и его откровенье.

Любовь закружила его до утра,
Крылами надежды его наделила.
Заставила сердце пылать без огня
И верой мятущийся дух озарила.

Он счастлив был ею, безумен до слез,
Желая кружить ее в медленном танце.
Смеялась Любовь, говоря, что из грез
Способна не раз для него возрождаться.

Не зная отказов и страстью гоним,
Он ринулся к ней невозбранно и смело,
Желал подхватить, но опасно забыл,
Что чудо не может жить в клетке из тела.

Едва лишь коснулся рукою мечты,
Как вскрикнула муза и с болью упала.
«Зачем? – прошептала беззвучно. – Ведь ты
Мог счастлив быть здесь...» И ее вдруг не стало.

Он замер, неверяще шаря по тьме
Пустыми, лишенными света глазами.
Но не было больше любви в этом сне.
Ушло упоенье ее чудесами.

Осталась лишь горечь на серых губах,
Осталась лишь рана на сердце умершем.
Осталась лишь мука в потухших глазах
И боль от ошибки его сумасшедшей.

С тех пор так и бродит по царству теней
Невидимый призрак, не зная покоя.
Живущий единственной мыслью – о ней,
Несчастный безумец с пустою душою...¹

Рен Эверон судорожно вздохнул. Разве он мог подумать, что чужаки сумеют сохранить наследие своих родов?! Разве мог хотя бы на миг предположить, что хоть кто-то из них ока-

---

¹ Стихи Александры Лисиной.

жется не просто магом, а творцом?! Творцом слов, создателем рифмы и настоящим богом почти утерянного искусства, которому на Алиаре были готовы поклоняться, как исчезнувшим в веках Создателям?!

Он во все глаза уставился на того, в ком никогда бы не заподозрил такого творца: лорд Тирриниэль... непримиримый, насмешливый, суровый, жестокий... и вдруг – творец?! А его сын – не только сильнейший и опаснейший маг своего мира, не только прямой потомок Изияра, но еще и созидающий?! Лорд Таррэн?!

– Это старая песня, – донесся до его затуманенного сознания бархатный голос темного владыки. – Еще с тех времен, когда не было Изияра и расовых войн, в которых он потерял разум. Ее сочинили светлые эльфы, леди. А пару лет назад нам снова напел ее проснувшийся Лабиринт.

Эланна подняла подозрительно блестящие глаза:

– Это очень красивая песня, ллер. Благодарю, что исполнили ее для меня.

– Честно говоря, давно этого не делал, – неловко кашлянул Тиль. – Поэтому прошу прощения, она не стала лучшей в моей жизни.

– Нет, – медленно покачала головой эльфийка, – вы не правы, это восхитительная песня. Я не знала, что Таррэн умеет так играть.

– Бел тоже умеет, – со вздохом признался Тиль. – Так что, надеюсь, оценит ее по достоинству. Если услышит, конечно.

– Да, за такую песню... я бы, наверное, простила все.

Он не ответил. Только посмотрел на печально замершую владычицу, которая подошла к нему совсем близко, и смотрел так долго, внимательно, что она неувовимо порозовела. А потом едва не утонула в мерцающих изумрудах глаз, в которых снова, как и в прошлую их встречу, взволнованно закружились огненные снежинки. В какой-то миг они оказались так близко, что кожу на лице Эланна едва не обожгло этим пламенем. Но все закончилось так же внезапно, как и появилось, потому что Тиль вдруг вздохнул и отвернулся.

– Прошу прощения, – тихо сказал он, отойдя на шаг. Юная владычица наконец опомнилась и тоже отстранилась. – Со мной все еще опасно находиться рядом.

– Опасно даже мне? – попыталась улыбнуться она, с некоторым трудом приходя в себя, и вздрогнула, потому что из его глаз на мгновение проступила алая бездна.

– Любой огонь может нести тепло. Но это не значит, что он стал безобидным: пожары случаются даже в благополучных домах. И при определенных обстоятельствах наш «Огонь» может быть опасным. А мне бы не хотелось, чтобы кто-то пострадал.

«Почему?» – едва не спросила Эланна, но вовремя прикусила язык. После чего напонила себе, что стоит рядом с потомком одного из ушедших, запоздало вернула лицу бесстрастное выражение и церемонно наклонила голову.

– Благодарю за предупреждение, ллер. Я запомню.

– Вам пора: темнеет, – довольно сухо заметил владыка Темного леса, переведя помрачневший взгляд на горизонт, и Эланна снова едва не вздрогнула, уколовшись о холод его слов. Правда, на этот раз она пришла в себя гораздо быстрее. А опомнившись, еще церемоннее кивнула и так же холодно согласилась:

– Доброй ночи, ллер.

Рен Эверон еще долго с подозрением следил за неподвижно стоящим эльфом, однако Тирриниэль не сделал попытки догнать Эланну или извиниться за резкий тон. Он, казалось, даже не дышал, пока неотрывно смотрел на клубящуюся под ногами бездну. Только пальцы сжал с такой силой, что перила под ними жалобно хрустнули, да прикрыл нещадно горящие веки, чтобы сгустившаяся темнота не испугалась его жутких глаз.

Глава 3

В южном крыле снова царила неестественная тишина. Было настолько тихо, что Тиль даже начал надеяться, что Бел все-таки вернулась. Однако увидел у дверей стражников Эланны и тут же понял, что ошибся.

Кажется, эта часть дворца была ошеломлена музыкой. Слишком уж невероятно было слышать ее здесь. И слишком ценили алиарцы владеющих голосом, чтобы позволить себе нарушить волшебство, оставшееся после умолкшей флейты.

Равнодушно пройдя мимо почтительно склонившихся эльфов, владыка Л'аэртэ плотно прикрыл за собой дверь, молча кивнул Ташу, как раз дежурившему в коридоре, а затем направился в дальнюю комнату, существование которой до сих пор оставалось для алиарцев тайной за семью печатями. Она была маленькой, эта запретная комната, однако ее единственному обитателю большего и не требовалось – молодому, но уже смело разросшемуся белоснежному ясеню пока было рано показываться на глаза посторонним.

Остановившись на пороге, Тиль, как и всегда, почтительно наклонил голову, отдавая дань покровителю своего рода, которого они рискнули пронести в этот мир. Просто удивительно, что ясень смог так быстро прижиться. Невероятно, что он согласился принять эту землю. Немыслимо было видеть и понимать, что в самом средоточии силы чужого владыки вдруг проросло и активно продолжало развиваться крохотное семечко, в котором Л'аэртэ веками черпали силу.

Хотя если уж начистоту, первым его принес сюда Таррэн. Ему требовался источник на случай, если нельзя будет воспользоваться порталом. А когда темный лорд в спешке покидал Алиару, росток, которому он позволил вырасти прямо во дворце Эланны, не только не погиб, а разросся еще больше, раздобрел, набрался сил. И, словно понимая, что на Эолларе он все еще слаб, затаился. А когда хозяин вернулся, этот хитрец так резво пошел в рост, что даже Таррэн удивился.

Тирриниэль, ощутив теплую волну от родового дерева, благодарно зажмурился, однако не позволил себе расслабиться, потому что у корней, низко склонив голову и горестно обхватив ее руками, сидел его единственный сын, который отчаянно нуждался в помощи.

– Таррэн?

Таррэн медленно обернулся, и у владыки Темного леса сжалось сердце: таким измученным он не видел его никогда. Бледное лицо, глаза – как два провала в бездну. Бескровные губы, серая кожа... казалось, что-то сжигает его изнутри, каждый миг отнимая жизнь. Так, бывает, смотрят безнадежно больные на пришедшего к ним жреца. Так страшно меняются люди, когда в одно мгновение теряют смысл жизни. Так приговоренные ждут смерти от удара палача. И так безмерно страдающие мертво следят, как утекают последние капли крови из порезанных вен.

Увидев обреченный взгляд сына, Тиль едва не отшатнулся.

– Святые небеса... Таррэн, что случилось?! Где Элиар?!

– Ушел, – глухо отозвался тот.

– Почему?!

– Я отпустил его, отец. Все оказалось бесполезным: его сила, твой венец, мои узы. Мы рискнули отпустить на свободу силы ясеня, но и это, как видишь, не помогло: Белка... мне кажется, она не вернется.

Владыка Л'аэртэ вздрогнул, когда Таррэн без сил опустился на колени, согнувшись как сломленный болезнью старик. А потом оторопело воззрился на скорбно застывшее дерево.

Погодите... как он сказал?! Эти безумцы позволили корешкам ясеня выбраться за пределы южного крыла и распозлзтись по дворцу в поисках Белки?! Рискнули засветиться и позволить отцу Эланны узнать, что во дворце, где он искренне считал себя неуязвимым, существует

совсем иная сила. Та самая, которой ему будет нечего противопоставить, потому что природа ясеня, как и самой основы магии Создателей, такова, что он станет постепенно прорастать внутрь стен, полов, потолков, камня и заменять их собой! Избавляясь от лишнего, подстраиваясь под новые условия, неумолимо разрастаясь и постепенно превращая дворец владыки Эоллара в самые настоящие чертоги, которые будут подвластны лишь одному хозяину – старшему в роду Л'аэртэ!

Тирриниэль судорожно сглотнул.

Бездна... выходит, сегодняшнюю песню слышал не только он, а все живущие тут эльфы! Живые и мертвые, смертные и бессмертные, люди и нелюди... И ладно Таррэн – без Белки он сам не свой... но Элиар?! О чем думал этот белобрысый мерзавец, когда пошел на это, не посоветовавшись со старшими?!

Владыка Темного леса открыл было рот, чтобы разразиться гневной тирадой, однако бросил взгляд на склонившегося до самой земли сына и неожиданно передумал.

– Таррэн... – Тиль осторожно присел рядом, тронув его за плечо. – Таррэн, не надо.

– Мне плохо, отец...

– Бел вернется. Она ждала тебя не для того, чтобы бросить. К тому же у вас есть Тор, Тебр, Милле. Даже Тир все еще нуждается в вас! Как бы Бел ни обиделась, она вернется – ради детей, дочери и внуков. А когда это случится, ты сможешь все ей объяснить.

Таррэн медленно покачал головой:

– Ты не понимаешь, отец.

– Чего именно?

– Мне больно, – глухо уронил Таррэн, не поднимая глаз. – Мне так больно, что это уже невозможно выносить... Будто сжигает что-то изнутри. Что-то, чего не было прежде и с чем я, как оказалось, совсем не умею бороться.

Тиль нахмурился:

– О чем ты?

– Мне больно, отец. – Таррэн крепко зажмурился, с силой прижав левую руку к груди, где гулко и безрадостно билось сердце. – Днем и ночью. В покое и в лабиринте. Когда беру мечи, когда смотрю, разговариваю... и особенно, когда вспоминаю. Каждый миг. Каждое мгновение. И я не знаю, как это остановить.

– Таррэн? – Тирриниэль нахмурился еще сильнее, а потом заставил сына поднять голову и похолодел: его глаза были пустыми, как выжженный дотла котлован. Но в то же время тлело в них что-то такое, отчего у немолодого владыки мороз пробежал по коже. – Что с тобой происходит?!

– Не знаю, – прошептал Таррэн, пошатнувшись, словно от порыва ветра. – Кажется, я схожу с ума, отец... но каждый раз, когда закрываю глаза, я вижу, как она умирает, и ничем не могу помочь. Это сон... но и не сон тоже, потому что каждый раз мне становится больно. Невозможно остановиться... невозможно успеть... и спасти ее тоже невозможно. Я сделал что-то не так, отец. Я позволил ей погибнуть. И это сжигает меня изнутри.

Тиль совсем встревожился:

– Таррэн, опомнись! Это просто сон!

– Нет, отец... я не справился. Или не справлюсь... очень скоро...

– Это просто сон! – не сдержавшись, рывкнул владыка Темного леса, встряхивая сына за плечи. – Ничего больше!

– «Огонь» говорит обратное, – шепнул Таррэн непослушными губами. – За последнее время он стал еще сильнее. Я едва могу удерживать его внутри. Он злится... в бешенстве оттого, что я не пускаю его на волю. Не знаю, сколько еще я смогу... но Бел так и не пришла. Разорвала узы, а без них «Огню» некуда деваться. Когда-то я еще мог... один... даже здесь. Но сейчас все по-другому. Почему-то я больше не могу с ним бороться... почему, отец?

На Тиля взглянули два алых провала на месте некогда зеленых глаз, и владыке стало нехорошо – столько мощи оттуда выплеснулось, так много магии... причем магии, почти ничем не сдерживаемой! Эта борьба отнимала у Таррэна все силы! Она причиняла ему боль! Выматывала сильнее, чем что-либо другое! Хотя, конечно, не так сильно, как невеста откуда взявшееся чувство вины за ничтожный проступок, на который в прежние времена никто и внимания бы не обратил. Даже Белка. Однако здесь, на Алиаре, это все-таки случилось: Таррэн, похоже, впервые не сдержал своего раздражения... она тоже вспыхнула и заупрямилась... и это почему-то сделало «Огонь жизни» нестабильным! Как в те времена, когда на Лиаре правил владыка Изиар, а его магия срывала покров безумия с бесчисленного количества разумов.

– Бездна... Таррэн, держись! – Тирриниэль сорвал с ветки опустошенный венец, из которого не так давно выкачали всю магию, и спешно всунул в ладонь сына.

Тот машинально сжал пальцы, и заключенный в венце изумруд моментально засиял. Секунду спустя заметно разогрелся, раскалился, а всего через два удара сердца запылал так неистово, что Тиль выругался и выдернул его обратно. Однако почти сразу выронил, обжегшись, и с растущим страхом посмотрел на сына.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.